

В.П. РИМСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЕВ

К концу XX столетия накопилось достаточно много прогнозов развития человечества (как оптимистического, так и пессимистического толка). И во всех современных проектах и сценариях XXI в. явно или неявно присутствует одна фундаментальная мысль: дальнейшее развитие человечества упирается в борьбу или победу того или иного культурно-цивилизационного типа, который в своих глубинных, онтологических основаниях определяется доминирующей религиозно-мировоззренческой системой. Идея для XX в. не новая — вспомним О. Шпенглера, Н. Бердяева или А. Тойнби. Но можем ли мы утверждать, что в XX в. остались неповрежденными сами религиозные основания мировых цивилизационных систем, прежде всего христианских?

В последние годы очень много говорилось о том, что в передовых странах Запада создано *постиндустриальное общество*, рождается *культурная парадигма постмодернизма*, закладываются основания новой *информационной цивилизации глобального типа*. Россия, впадшая в очередной социокультурный раскол, пока только задумывается о своей посттоталитарной и постиндустриальной перспективе. Отсталые страны Востока и Юга застыли между традиционными, индустриальными и постиндустриальными общественными системами в каком-то причудливом синкретизме культурно-исторических времен.

К концу XX в. в самой реальной действительности воплотилась постмодернистская формула *разрушения культурно-исторического хронотопа*,

Римский Виктор Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и теологии Белгородского государственного университета.

когда в одном поле оказываются *совмещенными прошлое, настоящее и будущее, старое и новое, в «глобальной деревне» перемешались крестьянская периферия, индустриально-капиталистическая окраина и постиндустриальный центр*. Мы видим, что мир к концу столетия оказался весьма сложной целостной системой, самоорганизующейся в ситуации постоянного производства и воспроизводства хаосами порядка, неожиданных поворотов, возрастания роли сознательного выбора путей социокультурного развития, моделирования различных сценариев регионального и глобального культурно-цивилизационного прогресса.

Каковы же основные сценарии культурно-исторической перспективы человечества в XXI в.? Какое место отводится в них русской культуре? Как простому человеку сохранить себя и свою личностную «самость» в этой «глобальной деревне»? Как связаны между собой личностная, этноконфессиональная и этнокультурная идентичности?

Одним из глобальных сценариев, который обозначился после падения мирового коммунизма и постепенно навязывается не только восточно-европейской и российской индустриальной окраине, но и западноевропейскому постиндустриальному центру, стал «новый порядок» в духе *глобального америкоцентризма*. Не только военное присутствие США по всему миру и их вмешательство в дела суверенных государств, но и все более растущая американская финансовая и экономическая мощь, навязывание стандартов американского образа жизни и американской массовой культуры зримо делают подобный сценарий культурной перспективы наиболее вероятным. Что ждет Россию на этом пути?

С точки зрения экономической это, возможно, не самый худший для нас вариант. Россию, скорее всего, вытянут из долговой ямы, мы сможем в ближайшие десятилетия преодолеть экономический кризис, доведем уровень жизни до среднеевропейских стандартов, впишемся в западную военную доктрину миротворчества, создадим свой вариант политической демократии. При этом оставшийся после советских времен научно-технический потенциал позволит нам войти в постиндустриальное общество, создать свой сегмент информационной цивилизации.

Однако при таком варианте развития мы не только утратим свою национальную «высокую культуру» — литературу, кино, театр и т.д., но и не сможем создать даже русскую «массовую культуру», которая будет (и уже стала) плохой копией американского ширпотреба. Православие, как и другие традиционные религии России, попадут в ситуацию постоянной экспансии «новых культов» и тоталитарных сект, что, собственно, сейчас уже и происходит. Наиболее уязвимой в плане западной культурной и религиозной экспансии оказывается молодежь, так как подорваны

вековые ценности русской семьи, образование в школе и вузах остается не просто светским, но и откровенно атеистическим.

Имеется и более *мрачный прогноз* относительно будущего нашей национальной культуры в XXI в., вписывающийся в сценарий глобальных культурно-цивилизационных кризисов. Феноменология и этого сценария уже сейчас зримо фиксируется: международный терроризм и войны на Балканах, в Чечне, Афганистане, Ираке, которым придают этнорелигиозную окраску; региональные финансовые кризисы и региональные военные конфликты с угрозой применения ядерного оружия (индуистско-буддийская Индия и мусульманский Пакистан, мусульманский Иран и Ирак, угрожающие иудеям Израиля и т.п.); рост сепаратизма во всех регионах мира, в том числе и в России; демографический и экономический дисбаланс между постиндустриальным авангардом и отсталым Югом и Востоком; обвальное распространение СПИДа и наркомании; и т.д.

К чему может привести реализация сценария *глобального культурно-цивилизационного раскола*? Прежде всего, к повышению неустойчивости нашего и так весьма подвижного мира, к нарастанию хаоса в глобальном масштабе, к полной децентрализации мирового сообщества, к абсолютному, столь любимому теоретиками-либералами «культурному плюрализму». Войны и голод, болезни и техногенные катастрофы станут (и уже с подачи СМИ становятся) привычным, обыденным явлением. Возрастет не только экономический, государственно-политический изоляционизм, но и культурный, религиозный, семейный и, в конце концов, личностный. Человечество ждет полное одиночество не только в космосе (Бог при эсхатологическом сценарии будет в первую очередь восприниматься как «карающий судья»), но и на экзистенциальном уровне.

Личность окажется одинокой в семье и в собственной душе, человеком овладеет страх не только перед будущим, но и перед каждой минутой настоящего. Возможно соскальзывание к различного рода системам политического тоталитаризма на основе достижений информационной цивилизации и дальше, назад — к «новому средневековью», а потом и к варварству, к «войне всех против всех». При этом подобная участь постигнет не только отсталые страны Востока и Юга или кризисные индустриальные общества типа России, но и самые продвинутые государства Запада и, прежде всего, США, которые и способствуют сейчас реализации эсхатологического сценария, навязывая всем свой глобальный тоталитаризм и культурный америкоцентризм. Таким образом, реализация первого сценария, скорее всего, и спровоцирует второй — это уже сейчас очевидно и не требует особого доказательства.

Что ожидает Россию при таком сценарии? Мы уже наблюдаем его

проблески, вернее, отсветы грядущих катастрофических пожаров. Не случайно Чернобыльская катастрофа совпала с распадом СССР, спровоцировала гибель советской цивилизации. Мы уже более двадцати пяти лет втянуты в региональные военные конфликты, в том числе и на своей территории, наша экономика находится в перманентном кризисе, в душах людских растет полная апатия, в культуре и идеологии — вакуум, рушится семья.

При таком сценарии будет, разумеется, наблюдаться резкий рост религиозности, но это будет первоначально полный «религиозный Вавилон»: традиционные религии и новые культы, религиозный фундаментализм и ереси, христианство и неоязычество. Русскую православную церковь при таком сценарии, скорее всего, будут сотрясать расколы, возникнут различные еретические соблазны, политики тоталитарного толка попытаются использовать верующих и традиционное православие в своих интересах (нынешние коммунисты принимают в свои ряды верующих, многие нацистские группировки проповедуют какие-то псевдодревние формы православия и т.п.). Россия при таком варианте может создать новый мобилизационный культурно-цивилизационный проект по типу реформ Петра I или Сталина. А вот здесь-то мы всегда были сильны.

Реализация нового *мобилизационного проекта* вполне может привести Россию к имперскому соблазну, к достижению определенной гегемонии в мире и даже к какому-то экономическому и технологическому рывку. Мы вообще-то умеем достигать некоторых положительных результатов в самых плохих ситуациях: то, что немцу смерть, русскому — хорошо. При этом нам могут помочь не только наши несметные экологические ресурсы (мы застрахованы и от кризиса перенаселения, и от чрезмерного загрязнения окружающей среды, и от энергокризиса). У нас до сих пор самый большой ресурсный потенциал в сфере духовного производства и в культуре. В мобилизационных условиях вполне будет возможен и некоторый расцвет науки, образования и культуры.

И, наконец, православие сможет дать русскому человеку духовные ориентиры, что не раз случалось в самые смутные времена истории России. Возможно, *эсхатологический сценарий мировой истории выведет Россию и православие (и в целом христианство) опять в центр духовной жизни человечества*, вместо информационного центра возникнет *духовный, христианский центр* мировой цивилизации. Но мы должны задать себе вопрос: необходимо ли платить такую цену за прозрение человечества? Действительно ли свершится «второе пришествие Христа» уже в нашем столетии после реализации катастрофического сценария исторической эволюции человечества? Все может быть...

Но каково простому человеку жить в этом неуютном глобальном мире? На что ему опереться? Мы ведь наблюдаем сейчас, что в XX в. было создано массовое общество и *массовый человек*, который легко примеряет любые социальные маски, легко играет любые культурные роли. Сегодня он сектант, а завтра православный, сегодня он коммунист, а завтра либерал. Кстати, современные социологи и политологи, исследуя поведение человека, до сих пор оперируют классификациями старого, классово-сословного общества. Но ведь в XX в. произошло изменение не только социальной стратификации и мобильности, которые были характерны в прежние времена, но и самого *типа личности*.

Человек массового общества — по преимуществу *игровая личность*, способная к мимикрии при изменении социокультурного контекста. (Интересно, что именно российские политехнологи и «рекламщики» бессознательно это уловили и использовали массового человека.) Не доведем ли мы эту игровую личность массового общества и массовой культуры в XXI столетии *до полной фантомности* и утраты всех онтологических оснований человека? Смена стилей, игра в бисер с ценностями всей человеческой культуры становятся уделом не только рафинированных интеллектуалов, но и самых широких масс, прежде всего молодежи. Именно в этом игровом поле и реализуется парадигма постмодернизма: тотальная ирония, деконструкция ценностной иерархии (особенно религиозной), игровой маскарад, возможность фантомных личностей в кино и в компьютерных сетях... Что это, как не тот же *культурно-исторический Мефистофель*, только в костюме панка или «нового русского», на экране телевизора или дома за компьютером?

Итак, мы можем в своей повседневности ориентироваться на оптимистический или пессимистический сценарий глобальной социокультурной динамики. Но ясно одно, что при любом из них Россия должна, так или иначе, выходить из переживаемого нами *второй раз за XX столетие* культурно-цивилизационного кризиса, который затрагивает не столько техноэкономические и технополитические основания жизнедеятельности человека, сколько глубинные, органические основы его бытия. Эти основы всегда коренились в вере, семье и народе. Здесь личность обнаруживала себя и как социокультурное производное, но — главное! — как образ и подобие Божие.

Но именно на протяжении последних двух столетий органика человеческого бытия подрывалась капиталистическим технопрогрессом и социалистическим экспериментаторством. И если к концу XX столетия под воздействием основных христианских конфессий идея возрождения семьи и религии стала не только приемлемой для простого народа (в ко-

тором она по большому счету не может умереть!), но даже некоторые рафинированные интеллектуалы либерально-социалистической ориентации (не путать с гомосексуальной и иной!) с неохотой согласились, что вера и семья могут иметь место среди «плюральных модусов» современной культуры. Но вот этнической составляющей человеческой онтологии до сих пор не везет. «Национализм» или «шовинизм» остаются главным пугалом массового сознания и «прогрессивного человечества».

Однако *этническая составляющая* человеческого бытия и *культурного многообразия* все настойчивее врывается в социокультурную динамику постсовременности. Это, прежде всего, миграция многочисленных народов из отсталых регионов Юга и Востока в развитые страны Запада и США. Для либералов миграционные процессы конца прошлого века первоначально показались наступлением долгожданного космополитического царства глобализма, в котором экономико-политические тигли переплавят арабов, турок, евреев, албанцев и иже с ними в «граждан мира». Именно на этой волне проходила пропаганда мультикультурности, защита прав этноменьшинств и представителей маргинальных субкультур (типа гомосексуалов). В этот сценарий попал и этнокультурный конфликт в геополитическом пространстве СССР, защита чеченских сепаратистов и безразличие к миллионам русских, оказавшихся за пределами постсоветской России. Но после превознесения мультикультурности и мультиэтничности в качестве новых либеральных ценностей грядущей глобальной цивилизации вдруг наступило отрезвление под холодным душем политических успехов «новых правых» и террористических актов 11 сентября 2001 г.

Стало бесспорным, что фактор «новой этничности» определяет не только геополитическое поле человечества, но и повседневность каждого человека. Террористические взрывы в Нью-Йорке и Москве, Испании и Турции, войны в Косово и Чечне, Афганистане и Ираке ударили не по элите, а ворвались в жизнь простых американцев, русских, сербов... Особенно остро ситуацию «новой этничности» переживает молодежь. В начале 80-х гг. XX в. поколение наших старших детей не могло себя идентифицировать в качестве «русских».

Сейчас картина иная: поколение наших младших детей (родившиеся в конце 80-х — начале 90-х) очень остро ощущает свою «русскость». При этом в качестве антагониста в конструировании идентификационной оппозиции «мы — они» часто оказываются не «американцы» и даже не «чечены», а украинцы («хохлы»). При этом идентификация «я — русский» в устах современной молодежи приобретает все более агрессивные интонации.

Как бы мы не пытались реанимировать старые советские мифы о «славянском единстве русских, украинцев и белорусов» и даже мумифицированные идеи панславизма, очевидно, что «на повестке дня» для современной молодежи стоит не осознание себя в качестве «славян», а идентификация себя «русскими», «украинцами», «белорусами». Привлекательность образа Мазепы в этномифологии нынешних «новых украинцев» задается не столько официальной пропагандой, сколько рождается в самой молодежной среде. Националистическую белорусскую оппозицию поддерживают не политические маргиналы среднего поколения, а студенческая молодежь и молодые интеллектуалы контркультурной ориентации. Эдичка Лимонов, нонконформист семидесятых, не выдумал национал-большевизм, а уловил своей писательской интуицией в атмосфере современных молодежных тусовок, где образ «буржуя» однозначно ассоциируется с «азерами» и «жидами».

Можно констатировать тот факт, что если до середины девяностых годов прошлого века в молодежной среде преобладали ценности криминально-экономические, то сейчас вектор начинает смещаться в сторону *культурно-этническую*. Для современной русской молодежи очень важно не только то, что можно заработать большие деньги, но и то, что их должны зарабатывать русские (это «хорошие деньги»). Что с нами происходит? Позволю себе высказать одну гипотезу, которая давно зреет в моих рассуждениях.

Наше «братское единство» первоначально на пространствах Российской империи (надо отбросить предубеждение по отношению к империи, ибо империя — способ существования цивилизации), а затем на тоталитарных просторах советского «поля чудес» затормозило становление национального самосознания не только и не столько украинцев или белорусов (в советское время «русский национализм» был чем-то из ряда вон выходящим!), сколько русских. Мы, наверное, впервые после Куликовской битвы и Смутного времени столь болезненно ощутили себя русскими. Потому ностальгически наши старики вспоминают сталинский послевоенный тост «За русский народ!» и всю псевдорусскую мифологию советского периода. Но нынешнюю молодежь на советской «мифологической мякине» не проведешь!

Помимо «новой этничности» во всем мире и в славянском регионе Восточной и Центральной Европы зреют и другие тенденции, связанные с экспансией западноевропейских и американских культурных ценностей, транснациональной глобализацией. Если мигранты из стран мусульманской или индубуддийской периферии плохо поддаются вестернизации, то христиане-славяне легко вписываются в западный контекст раз-

мывания этнокультурной и конфессиональной идентичности. В этом процессе особая роль отведена экспансии «новых культов» в славянские страны, провоцированию конфликтов и новым варианты унии между православными и католиками, искусственному созданию раскола в недрах православной церкви.

Можно ли в ситуации развития современных индустриальных и постиндустриальных технологий всерьез говорить об отрицании глобализации вообще, как это делают наиболее радикальные антиглобалисты, или о противопоставлении глобализации «новой локализации» и «регионализации»? Думаю, что нет.

Что можно противопоставить унификационному проекту западной глобализации? Мы уже неоднократно вели речь о варианте *многополюсного, открытого культурно-цивилизационного проекта*, без неограниченного либерального плюрализма, с наличием подвижной ценностной иерархии в обществе, в идеологии, в духовной жизни, с признанием этнокультурной и конфессиональной идентичности народов и людей. Здесь хотелось бы отметить, что сейчас получают силу идеи *транснационального глобализма*, который дополняет до логического конца проект открытого, многополюсного мира. Что здесь имеется в виду? Прежде всего, факт признания глобальной значимости этнокультурной составляющей бытия человека и человечества. Глобальные экономические, информационные, политические и иные связи не должны стирать эту этнокультурную идентичность стран, народов и простых людей.

И в гармонизации многополюсного мира, на мой взгляд, сыграют роль не столько мировые сообщества типа ООН (в них всегда найдется лазейка для диктата тех или иных стран), не столько различного рода церковно-экуменические проекты, сколько постоянные, ежедневные усилия деятелей науки и культуры, отдельных политиков и предпринимателей, иерархов ведущих мировых конфессий, простых клириков и верующих по утверждению новой системы ценностей. Что это за ценности? Это — *ценности культуры*. Не прагматические, экономико-технологические ценности, не политико-идеологические...

Но где гарантия, что культурная плюрализация, реализованная в ситуации всеобщей терпимости, толерантности, всемирного и всемирного диалога стран, культур и цивилизаций, не приведет к какому-то культурно-информационному синкретизму, в котором отдельный индивид также утратит духовные ориентиры и собственную идентичность?

Избежать в этом сценарии негативных последствий возможно лишь на путях возрождения и сознательного воспроизводства *традиционных ценностей* — прежде всего религиозных и этнокультурных. Именно тра-

диционные религиозные ценности, а для России это традиции православия (ислама, буддизма для некоторых регионов), должны воспроизводиться в качестве *духовного центра* постиндустриальных обществ. Именно традиционные религиозные ценности в условиях постмодернистского культурного релятивизма создают новую, *подвижную, синергетическую ценностную иерархию* как в национальных культурах, так и в контексте мирового культурного диалога.

Таким образом, подобная модель культурной эволюции человечества гармонизирует светскую и религиозную культуру, делая последнюю энергетическим *центром культурного развития*. Возрождение традиционной религиозности, национально-патриотических и семейных ценностей будет сопряжено с энергией научно-технического прогресса и современной светской культуры.

Предчувствую, что всегда будут находиться скептики, заявляющие, что невозможно гармонизировать в наши дни светскую и христианскую культуру. Они есть и будут как среди неверующих, так и среди верующих. Однако могу сослаться лишь на чисто эмпирические свидетельства: все больше и больше становится среди нашей молодежи православных, причем это ребята творческие, эрудированные. Они виртуозно владеют компьютером и английским языком, профессионалы в своем деле — и искренние церковные верующие, не забывающие свою родословную и обладающие *сознательной этноидентичностью*. Возможно, в ближайшем будущем их доля возрастет, хотя ожидать массового воцерковления молодежи не приходится. Но именно молодые христиане, получившие хорошее образование, и составят *духовный центр* возрождающейся русской культуры. Это не значит, что они только и будут делать, что заявлять о своем православии и «русскости», как это наблюдается порой среди сорокалетних православных неофитов нашего поколения. Просто все, что они будут исполнять в своей профессиональной сфере, будет наполнено истинно христианским содержанием, они будут добросовестно трудиться и создавать чистую собственность, воспитывать детей в духе православных и русских (украинских, белорусских...) традиций.

Сейчас много пишут о набирающей силу третьей волне *«транснациональных русских»*, которые представляют лучшую часть молодежи, образованную, адаптированную к западной экономической и технологической системе, но болезненно осознающую свою «русскость», испытывающую *потребность в этнокультурной идентификации* (интересно, что даже еврей-иммигранты в Израиле и Америке вдруг осознали себя «русскими»). Именно им удастся использовать российские ноу-хау, западные промышленные технологии и финансы в выстраивании эффективных

предпринимательских схем. При этом я считаю, вот этим действительно «новым русским» необязательно отказываться от гражданства и безвозвратно уезжать на Запад. «Глобальная деревня» и позволяет уже сейчас обустроивать с наибольшей выгодой именно свой Дом, Россию. Нет нужды вкладывать деньги только в рухнувший индустриальный сектор, который все равно рано или поздно устарел бы. Надо вложить деньги в науку, в культуру, в создание промышленных образцов передовых технологий и — главное! — в образование и воспитание молодежи.

И без религиозного воспитания новой молодежи мы не выполним эту миссию русской культуры. Можно ездить по белу свету, работать на благо себя и России в разных странах и помнить о том, что ты русский. Что даст молодому человеку вот эту культурно-национальную идентификацию? Большой театр или всю русскую литературную классику с собой не увезешь (даже на лазерных дисках). И только православная вера останется с ними, с действительно новыми русскими. В их образе — православных ученых, художников, писателей, предпринимателей — может воплотиться *творческое бытие русского человека в современном мире*.